

ГАРМОНИЯ СЧАСТЬЯ

Хуан Антонио БАРДЕМ
рассказывает читателям
«Советской России»

Известный испанский кинорежиссер Хуан Антонио Бардем не первый раз на Московском кинофестивале. Он приезжал к нам еще в годы франкизма, находясь, как коммунист, на нелегальном положении. Его картина «Семь дней в январе» о трагических событиях в Испании в январе 1977 года вызвала большой интерес на фестивале и заслуженно оценена критикой. Разговор с режиссером журналистки Мунсонэй был посвящен его жизни и творчеству. Бардем говорил охотно и подробно, так что рассказ его сложился в своеобразный монолог сам по себе.

Я сын актеров трех поколений. Все предшественники — дедушки, тетки, дяди, двоюродные братья были актерами. Но я единственный выбрал профессию агронома. С двенадцати лет начал увлекаться кино, часто ходил по несколько раз на один и те же фильмы. Они влекли, завораживали мое воображение. Окончив учебу и проработав полтора года агрономом, я вдруг все бросил. Меня никогда не тянуло играть, быть актером, мне хотелось стать именно кинорежиссером. Что касается учителей — их не было. Увлечшись, я не знал, как делать фильмы, и не было книг, чтобы этому научиться. В доме двоюродного брата я нашел книгу Всеволода Пудовкина. Вторым открытием были советские кинофильмы революционных 20-х годов со всеми его зачинателями. Во мне как-то сразу все пробилось и прорвалось наружу — интерес, увлечение... И вот однажды я собрал группу молодых людей, мы объединились, собрали по крохам небольшую сумму. Так в 1951 году появился мой первый фильм. Сейчас у меня 18 художественных картин.

Из советских режиссеров духовно мне импонирует Сергей Эйзенштейн. Он самый близкий мне по своему духу, интеллекту. Я так везде цитировал выдержки из его статей и так люблю его, что близкие друзья меня стали называть Бардемштейн. Когда смотрят его фильмы творческие люди, я много раз замечал, у всех лихорадочно блестят глаза. Это какое-то экзотическое, пронизывающее до последней нервной клетки напряжение. Это больше, чем восторг. Это драгоценные полтора часа соединения двух далеко живущих друг от друга людей. Его фильмы ввели меня в неведомый мир. Это было и интересно, и познавательно. Я полагаю, его фильмы состоят из секрета подлинно художественного воплощения. Кроме него, люблю творчество и других советских режиссеров — Всеволода Пудовкина, Вертова, Ромма, Довженко. Мои любимые фильмы — «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». Я к ним припал, как к животворному источнику.

Из русских классиков желанные для меня и Пушкин, и Тургенев, и Толстой, а из советских писателей — Фурманов. Я никогда не отвечаю на вопрос, кто самый любимый из художников и писателей. И вот почему. Однажды в Брюсселе участникам и гостям кинофестиваля было предложено выбрать из всех фильмов, созданных на мировом экране, самый лучший — в золотой фонд. В список включили картины, может быть, целой тысячи режиссеров. В конце концов организаторы анкеты остановились на 12 фильмах. Я отказался заполнять анкету. Ибо это абсурд. Все по-разному воспринимают как фильмы, так и книги. Проходит время, и вкусы меняются.

В моих фильмах огромную роль играет природа. Когда люди на природе и слиты с землей, лучше раскрывается их духовный мир. Это бесконечность нюансов. Возможно, поэтому и больше всего люблю природу.

У меня, как у режиссера, совсем другое восприятие в своих фильмах, чем у зрителя. Я годами вынашиваю, обдумываю, пока родится кадр, воплотится каждая сцена. И в работе я так истощаю свои эмоции, что, когда фильм готов, просматривая его, я вижу только недостатки, недоделки и с ужасом думаю, что надо все заново переснять. Я ни одним своим фильмом ни разу не был доволен. Мне стыдно в этом признаться, но это истинная правда.

В фильме, который показан на Московском фестивале, — «Семь дней в январе» роль профсоюзного организатора играет не актер, а рабочий, коммунист, вожак молодежи. Для меня это было принципиально важно: В таком фильме люди должны были увидеть подлинные лица героев нашей борьбы за новую, демократическую Испанию. Мой последний фильм «Обвинительный акт» обращен к молодежи. Новые веяния захватывают молодежь Запада. Она на пороге будущего, вопрошающая, любопытная. Она хочет сама думать, сама чувствовать и сама жить.

В компартии я с 1943 года. В тот год погиб сын нашей Долорес Ибаррури в Сталинграде, и с тех пор она всегда ходит в трауре. Мы ее очень любим, эту замечательную деятельницу международного рабочего движения. Недавно с небольшой группой товарищей я был у нее в больнице. И было грустно видеть, что она не может уже теперь ни читать, ни писать. Она увидела стариков, старых членов партии, она помнила всех, что были в 20-е и 30-е годы. Ей 84 года. Я не верующий, но в глубине души я всегда молюсь за нее, чтоб век ее длился бесконечно...

Я люблю Москву — центр советской земли. Город, где жила и работала наша Паснонария. Я собираюсь создать совместный советско-испанский фильм.

Я думаю, что как для вас, так и для меня всеобщее и бесконечное счастье является невозможной утопией. В жизни каждого человека, разумеется, есть счастливые моменты, которые освещают своим блеском некоторое время в человеческой жизни, но эти быстротечные мгновения наступают тогда, когда ты по-настоящему становишься самим собой, когда есть гармония недолгая, но совершенная между нашим подлинным я и окружающим нас миром.

Я желаю читателям «Советской России» доброго здоровья, успехов и вечного горения в борьбе за мир и социализм.

Фото А. Акулышина.